

К теории социальных событий

Необходима фундаментальная социологическая теория. В качестве такой теории нами предлагается теория социальных событий. В данной статье мы ограничиваемся некоторыми предварительными соображениями об основном понятии этой теории — понятии события. Событие рассматривается как элемент социальности. Теория элементного состава социальности как общая теория означает, что мы намерены мыслить о социальном как дискретном. Мышление о социальном, основанное на представлениях о некотором целом, о большой вещи или большой живой вещи (органическом теле) противоположно мышлению о дискретном. Оно по-прежнему в ходу, оно должно сохранить свою силу в области социально-политической риторики, поскольку обладает одновременно внятностью интуитивно достоверного знания и добротностью традиционного словаря. Оно, однако, не годится для более тонкого анализа. Наука нуждается в ином аппарате понятий, и со времени формирования социологии понимание этого обстоятельства отличает наиболее проныцательных теоретиков.

Социологическое теоретизирование всегда содержит в себе интуицию социального. Социальное либо воспринимается как целостность, либо, в принципе, считается тем, что поддается членению. Фердинанд Теннис утверждал, что двум видам фундаментального социального опыта соответствуют две разных социологических концептуализации. Знаменитое понятие «Gemeinschaft» в дихотомии «Gemeinschaft/Gesellschaft» соответствует интуиции социальной целостности. Эта интуиция противоречит научному — аналитическому и дискурсивному — стилю мышления, и повествование о Gemeinschaft'e является, говоря словами Тенниса, «интуитивным, диалектическим философствованием»¹: либо наше мышление является «научным, т. е. дискурсивным и разлагающим», либо оно стремится к интуиции неразложимой целостности. Интуиция целостности очень важна; но она препятствует тематизации дискретного опыта, рефлексии по поводу отдельных наблюдений и определению их характера. Мы привыкли к тому, что важным признаком научности являет-

¹ Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Leipzig: Hans Buske, 1935. S. 4.

ся не только систематичность мысли, но и концептуализация самого предмета объяснений как системы. Но за понятием системы стоит не опыт и не интуиция. Невозможно созерцание системы как таковой. Это не свидетельствует против понятия системы. Считается, что оно является более продуктивным, чем попытки концептуализировать интуицию живого целого. Становление системного подхода происходило как раз через отказ от этой интуиции, на которую опиралась поддерживаемая философией жизни теоретическая биология. Но вынужденный отказ от понятия не стал отказом от сопряженных с ним интуиций. Возможно, что за понятием системы и по сей день стоит *сублимированная метафора целостности*. Поясним это кратким рассуждением.

Понятия нередко возникают из метафор, а метафоры имеют отношение, как говорит Харальд Вайнрих, не только к риторике, но и к познанию: «Метафоры так истинны, как можно только желать. Их нельзя заменить прямыми выражениями; и даже если когда-нибудь представится такая возможность, этого не следует делать, ибо тогда истинность будет заменена неистинностью»². Метафора целостности и понятие системы не полностью взаимозаменяемы, но интерпретация понятия системы, попытки связать его с областью созерцаний, прямых наблюдений то и дело сводятся к метафорике целостности. Мы можем предположить, что здесь появляется одна из тех «абсолютных метафор», о которых рассуждает Ханс Блюменберг в «Парадигмах метафорологии».

Блюменберг говорит, что метафоры могут принадлежать к *основному составу* философского языка, могут быть переносами, которые нельзя вернуть обратно, в область логического. Именно такие метафоры он называет *абсолютными*, в отличие от *рудиментарных*, которые поначалу характеризуют лишь предварительность философской ситуации, остановку на пути «от мифа к логосу». Однако, если удастся доказать существование *абсолютных метафор*, тогда и рудиментарные выступят в ином свете, теряя свой предварительный характер. «Пожалуй, демонстрация таких абсолютных метафор могла бы побудить нас вообще заново продумать отношение между фантазией и логосом, а именно, в том смысле, чтобы рассматривать область фантазии не только как субстрат трансформаций в понятийное — при которых, так сказать, разрабатываться и преобразовываться мог бы элемент за элементом, вплоть до исчерпания запаса образов, — но как катализирующую сферу, в которой, правда, мир понятий постоянно обогащается, но не преобразует и не истощает этот основной фонд»³.

В этой связи Блюменберг отсылает читателя к § 59 «Критики способности суждения» Канта, где речь идет о понятии символа. Интуитивный способ представления Кант разделяет здесь на *схематический* и *символический*: «Следовательно, все созерцания, которые подводятся под априорные понятия, — либо *схемы*, либо *символы*; первые из них содержат прямые, вторые — косвенные изображения понятий»⁴. Этим кантовским понятием символа, говорит

² Вайнрих Х. Лингвистика лжи / Пер. Е. Г. Казакевич // Язык и моделирование социального взаимодействия / Под ред. В. В. Петрова / Сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина. М.: Прогресс, 1987. С. 69.

³ Blumenberg H. Paradigmen zu einer Metaphorologie. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1998. S. 11.

⁴ Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. С. 227.

Блюменберг, весьма точно покрывается то, что сам он называет метафорой. «Наша «абсолютная метафора» обнаруживается здесь как *перенесение рефлексии о предмете созерцания на совершенно иное понятие, которому, вероятно, никогда не сможет прямо соответствовать никакое созерцание*⁵.

Таким образом:

1. Метафоры рядоположены понятиям. Между рассуждениями в понятиях и метафорикой нет пропасти, нет четкой грани. Начинаясь в понятиях, рассуждение может продолжиться *как бы в понятиях*, при том, что непосредственно указать на созерцания (без которых понятия «пусты») в какой-то момент оказывается уже невозможно.

2. Метафоры могут носить не только резидуальный характер («стираться», превращаясь в понятия или уступая место понятиям по мере эволюции науки). Они могут быть постоянными, во всяком случае, достаточно долго, чтобы историк назвал их «абсолютными». Они также могут вновь появляться в результате инволюции, метафоризации того, что исходно было сконструировано как понятие.

Таким образом, отношение между понятиями и метафорами носит гибкий, подвижный характер. Абсолютность метафор есть не столько сохранение определенного состава вечных символов, устойчивых переносных значений, сколько неизбежность балансирования между прямым и переносным. Рутинизация использования метафорических выражений, привычное употребление одних и тех же терминов, заставляющее забыть их метафорический смысл, приводит к тому, что с переносным значением работают как с собственным. Метафору, как понятие, включают в дедукции, уточняют объем, строят целые концептуальные схемы, основанные на его толковании. Постепенно образный, переносный характер значения стирается. Однако случается и обратное: устоявшиеся, казалось бы, в науке понятия (даже если трактовка их в разных школах не сходна) приобретают в определенных видах дискурса характер метафоры.

Это имеет непосредственное отношение к нашей теме. Мы рискуем предположить — хотя обоснование этого потребовало бы, конечно, обширного критического анализа значительного объема литературы, — что абсолютная метафора целостности замещает в повседневном обороте научных и околонаучных высказываний точное научное понятие системы. Можно сказать и по-другому: как бы ни эволюционировало, сколь абстрактным (то есть оторванным от созерцания) ни становилось бы понятие системы, сколь многообразны ни были бы его трактовки, в повседневном околонаучном обороте оно символизирует целостность. Целостность, в свою очередь, есть нечто неразложимое, и метафорика целостности служит тому, чтобы направить *проектор нашего внимания* не на «части», но на *связь* этих частей в то единство, которое только и придает им подлинно своеобразный характер. Абсолютная метафора целостности не может быть изжита. Требуется только понимать, что, как таковая, она препятствует анализу элементов социальности.

Что же произойдет, если мы сосредоточимся на другом, противоположном способе мышления о социальном? На первый взгляд, ничего особенного.

⁵ Blumenberg H. Op. cit. S. 12.

Целое ведь хотя и больше суммы частей, но части у него есть. Значит, можно интересоваться больше частями, чем целым. Но ведь части тоже из чего-то состоят! Кроме того, если они, эти части, суть меньшее целое, тогда должны быть части и у них. И так далее. Однако, само по себе смещение внимания неудовлетворительно, пока мы готовы отказаться от, в принципе, возможного и далее анализа составляющих социального образования. Иначе обстоит дело в том случае, если анализ показывает нам, что дальнейшее членение невозможно. Тот же Теннис говорил, что здесь уже нет места созерцанию: анализ доходит до «метафизических атомов», «нечтостей, кои суть ничтожности, и ничтожностей, кои суть нечтости». Но так ли это? На самом деле, никакой подлинной противоположности здесь нет. Если социальное понимать как вещь⁶, то анализ будет членением этой вещи. Все дело только в том, насколько далеко он заходит.

Пониманию социального как вещи, будь то целостной или столь мелкой, что впору считать ее «фикцией мышления», противостоит понимание социального как совершенно особой реальности. Особая природа этой реальности сказывается в том, что ей нет места в психофизических описаниях. Уже в начале XX в. стало ясно, что такой может быть реальность смысловая, а при попытке обозначить ее элементный состав самые разные мыслители приходили к категории действия. Действие или взаимодействие является базовой категорией во многих социологических теориях. Однако, онтологический статус действия был не ясен. Одновременно в философии обострился интерес к категории события. Но интерпретация события как действия и действия как события, хотя и напрашивалась, никогда не была доведена до конца⁷. В конечном счете, социология действия и его производных (взаимодействия, коммуникации) и философия события не сумели в полной мере обогатить друг друга. У истоков теоретизирования о событии мы находим труды Дж. Г. Мида, в которых ресурсы прагматизма и философии процесса А. Н. Уайтхеда используются также и для теоретико-социологической постановки вопроса. Т. Парсонс и Дж. К. Хоманс уверены в первостепенной значимости философии Уайтхеда, столь актуальной в начале их интеллектуального становления. Но и Н. Луман, интерпретировавший элементы социальной системы (!) как события коммуникации, привлекал все те же ресурсы: Мид, Уайтхед, в основном, игнорируя более современные версии философии события. Понятие системы было важнее, чем понятие события.

Сколько бы ни были многочисленны и важны имеющиеся разработки в области философии события, от обзора наличных ресурсов и результатов мы вынуждены здесь отказаться. Следует лишь заметить, что понятие «Ereignis» М. Хайдеггера на данном этапе не рассматривалось в качестве релевантного источника построений автора, следовавшего путем теоретической логики все того же Мида, а также Г. Зиммеля и А. Шюца. Важную роль в нижеследующих рассуждениях, которые носят еще самый предварительный характер, сыгра-

⁶ Мы имеем в виду, конечно, классическую формулу Э. Дюркгейма: социальные факты суть вещи и должны быть исследованы, как вещи.

⁷ У Т. Парсонса в его ранних работах встречается понятие «event of action», т. е. «событие действия». Но особенности поставленной им теоретической задачи заставили его сразу отказаться от исследований в этом направлении.

ли также работы представителей аналитической философии. Однако настоящее освоение этого ресурса, а значит, и оценка его продуктивного значения, еще впереди⁸.

* * *

Событием будет называться смысловой комплекс, означающий соотносительное акту наблюдения единство. В этот смысловой комплекс входит *свершение в пространстве и времени*. Событие идентифицируется наблюдателем как нечто *совершающееся* (то есть происходящее) и *свершающееся* (то есть имеющее внятную для наблюдателя завершенность, позволяющую отделять его от прочих событий). Единству времени, в течение которого событие сохраняет свою тождественность (момент совершения события), соответствует единство пространства (место совершения события). Как время, так и пространство события идентифицируются в некоторой системе координат или в рамках взаимосвязанной совокупности однородных моментов и мест.

Акцент в этой формулировке сделан на *элементарном характере* события. Иначе говоря, событие не есть непременно нечто значительное или запоминающееся (как это можно предположить по высказываниям типа «*X* явилось историческим событием», «*Y* не было историческим событием»). Обычная для средств массовой информации рубрика «событие» не может навести нас на существо дела. Событие не есть также нечто непременно относящееся к области «неодушевленной природы», в противоположность «интенциональным действиям». Главное в событии — его принципиальная для наблюдателя неразложимость, т. е. элементарность. Предварительно и с последующими уточнениями ее можно определить как моментальность, то есть неразложимое (якобы только в силу краткости) единство времени события. Элементарность может означать далее неразложимую определенность события, то есть отсутствие у него частей, однородных ему, как во времени, так и в пространстве.

Понятие элемента не тождественно понятию части. Часть соотносительна с целым, может быть уменьшенным целым, т. е., как мы уже говорили выше, содержать в себе части. Элемент принципиально неразложим и соотносится не с целым, но с системой, структурой, процессом. Анализ элемента мог бы показать его составляющие, но в системе, структуре или процессе элемент неразложим и не поддается анализу. Иначе говоря, аналитика элемента предполагает смену модуса внимания, при этом теряется из виду тот контекст, который только и представлял интерес при описании элементного состава релевантных объектов наблюдения. Элемент соответствует элементарному акту аналитического наблюдения. Поэтому элемент не имеет меньших, однородных ему частей. Наблюдению может также соответствовать и «переживание целостности». В этом последнем случае целое не членится на части, но не является элементом. Целое не членится на части, поскольку наблюдаемое релевантно как таковое, безотносительно к внешним и внутренним взаимосвязям. Элемент

⁸ Более обширная работа по данной теме подготовлена автором в рамках проекта ИГИТИ ГУ-ВШЭ, посвященного проблемам репрезентации прошлого, и будет опубликована в ближайшее время под названием «Конструирование прошлого в процессе коммуникации».

не членится на части, поскольку он релевантен безотносительно к внутренним связям, но не безотносительно к внешним. Элемент — это элемент в системе, структуре или процессе. Элементарному акту наблюдения соответствует элементарное событие; и то, и другое неразложимы, но, кроме того, и то, и другое встроены в нечто более обширное, не переживаемое как неразложимая целостность. Это «более обширное» может быть названо системой, структурой или процессом, во всяком случае, чем-то, что можно аналитически разложить не просто на далее делимые части, но именно на неразложимые элементы. Есть, однако, особая категория событий, которые можно назвать *абсолютными событиями*⁹ (речь о них пойдет ниже). Абсолютные события соединяют в себе несколько противоречивых определений, и по отношению к ним различие интуиции целого и наблюдения события должно быть проведено иначе.

Событие нельзя разложить на составляющие, потому что оно прошло, состоялось. Уже одно то, что мы способны его фиксировать, говорит об этом завершении. Напротив, меняющееся, не завершённое мы готовы разлагать на моментальные события. Тем самым отношение к событию отличается от отношения к вещи и от отношения к процессу. Процессы могут состоять из *последовательности* событий. Вещь по своему смыслу является единством, *синтезирующим многообразные события наблюдения*¹⁰, однако, это последнее обстоятельство обнаруживается не само по себе, не в силу «наивного» созерцания, но лишь благодаря аналитической работе, разлагающей самоочевидное единство «вещи»¹¹.

Именно здесь возникает проблема пространственного и временного единства события. Если мы сосредоточиваемся на элементарном событии наблю-

⁹ Еще точнее, это абсолютные события первого рода, в предложенных нами ниже терминах.

¹⁰ См. у Гуссерля: «Созерцающая индивидуальную вещь, следуя в созерцании ее движениям, ее приближениям и удалениям, ее поворотам и разворотам, ее изменениям формы и качества, ее каузальным способам поведения, мы *совершаем* постоянство созерцания, то так, то этак совпадая [с нею], заключая себя в сознание единства: взгляд направлен при этом на тождественное, на Х смысла... на одно и то же, что меняет *себя*, поворачивается и т. д.» (Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie. 5. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1993. S. 313. Ср. также в русском переводе А. В. Михайлова: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Дом Интеллектуальной книги, 1999. С. 323).

¹¹ Противоположным образом это представлено в «метафизике события» Л. Б. Ломбарда. См.: Lombard L. B. Events: A Metaphysical Study. London: Routledge & Kegan Paul, 1986. Мы пользуемся сокращенным изложением в статье: Lombard L. B. Sooner or Later // NOÛS. 1995. Vol. 29. N 3. P. 343-359. «Событие есть альтерация; оно.. есть изменение: сначала вещь имела одно свойство, затем другое, противоположное. Хотя никакая вещь не может иметь свойство и в то же время иметь одно из противоположных ему, ни одно событие не происходит моментально; всякое событие имеет некоторый интервал времени своего появления» (Ibid. P. 343). Это неудовлетворительная позиция. Даже если мы исключим действия из разряда событий (в самом деле, какая вещь изменила свойства на противоположные в случае события «Капитан крикнул «проклятие!»?»), это не поможет нам для описания события «камень упал с крыши». Если сначала одним из свойств камня было «лежать на крыше», затем «падать с крыши» и, наконец, «лежать на земле», то все эти три противоположные свойства никак не помогают нам для констатации единого события «камень упал с крыши», поскольку в этом «упал» содержится указание не на одно, а на все три, причем находившиеся в некоторой последовательности, понимаемой как единство. Впрочем, в работе Ломбарда присутствуют также правильные положения. К ним относится, в частности, утверждение об *интервале* события, хотя интерпретировано оно должно быть иначе, чем предлагает автор.

дения не в силу непреодолимого *пуантилизма* созерцания, но только в силу перемены модуса внимания, то именно самоочевидность того *тождественного*, которое разлагается нашим анализом, придает определенный смысл корреляту события наблюдения. Поэтому странно было бы, например, предполагать, что *единству вещи*, которая идентифицирована нами как пространственная вещь, не будет соответствовать в нашей аналитике событие наблюдения некоего *аспекта пространства*. Точно так же и временная последовательность может быть разложена на мельчайшие *длительности*, которые, сколь бы далеко мы ни зашли в своей аналитике, никогда не потеряют характер *интервала*. Что касается пространства, то мы можем говорить о *месте* события. Но как выделить интервал? Если мы по-прежнему будем утверждать моментальный характер события, то столкнемся с известной проблемой: может ли быть составлена последовательность (то есть длительность) из отдельных моментов, *длительности не имеющих* (соответственно, как может прямая быть составлена из точек, не имеющих протяжения)? Разумеется, эта проблема некоторым образом решается в математике. Однако, это достигается лишь за счет того, что в математике мы выходим за пределы созерцания. Этот путь в данном случае для нас закрыт, потому что предложенная аналитика отталкивается от созерцания, но не покидает его, а только проясняет. Следовательно, мы должны исходить из того, что может быть мыслимо как последнее элементарное единство созерцания. Эмпирическим образом этот вопрос относится к психологии. В свою очередь, логическое исследование, казалось бы, может удовлетвориться констатацией того тривиального факта, что некий интервал предполагается самой процедурой мысленного расчленения длительности. Но эта констатация не плодотворна и, возможно, не совсем правильна. Она не плодотворна потому, что предлагает избежать теоретических трудностей за счет переопределения понятий. Она не совсем правильна потому, что пределом возможного членения для описанных нами операций является не мгновение, но мельчайшая различимая длительность.

Напомним, что мы указали на (якобы) моментальность события в связи с его элементарностью. Теперь мы говорим о том, что не мгновение, но некоторая длительность является пределом членения. Можно ли совместить эти утверждения или правильным является только одно из них? Этот вопрос заслуживает пусть краткого, но специального рассмотрения. Будем исходить из того, что нам нет нужды интерпретировать мгновение как интервал, потому что в созерцании мы имеем дело только с длительностями и интервалами. Несмотря на то, что это утверждение, в свою очередь, может показаться подводящим нас к исследованию различительных способностей, характер его чисто логический. Иначе говоря, вопрос ставится не так: «Какой мельчайший интервал (объективно измеряемый приборами) способен различить человек?». Вопрос ставится так: «Какой мельчайший интервал мы выделяем как время элементарного события?».

Событие есть смысловое единство, а не коррелят различительной способности. Мгновение не просто интерпретируется как интервал. Напротив, длительность квалифицируется как мгновение, и лишь затем, на следующем круге рассуждения, изначальная продолжительность того, что в интерпретации было сжато до качества мгновения, вновь обнаружило свою протяжен-

ность. Однако, оборотной стороной такого подхода становится потеря главного квалифицирующего признака моментальности как предельной сжатости. Можем ли мы теперь сказать, что событие есть смысловое единство, *элементарное безотносительно* к объективно (то есть не заинтересованно применительно к смысловому содержанию) замеряемой длительности? Эта решительная позиция напрашивается сама собой. Но какие следствия она влечет?

Временной характер события предполагает различие «прежде» и «после». Событие происходит, собственно, в интервале между «событием-прежде» и «событием-после», которые не могут принадлежать длительности события, потому что оно, по определению, не включает иные события. Однако, будучи не мгновенным, но длительным¹², оно предполагает возможность различия «прежде» и «после» в нем самом. Так, пусть будет событием «камень упал с крыши». До падения он лежал на крыше. После падения лежит на земле. Событие «упал с крыши» предполагает не только ограниченное время падения, нахождения без опоры в воздухе (такое описание падения годилось бы для события «падал»). Оно предполагает начало: мгновение пребывания на крыше перед началом падения и мгновение пребывания на земле, когда падение завершилось. И вместе с тем, пребывание на крыше, безотносительно к сразу вслед за тем начинающемуся падению, равно как и пребывание на земле, безотносительно к только что завершившемуся, это «прежде» и «после», не относящиеся к событию. Поэтому «упал» означает сложную пространственно-временную взаимосвязь, которую ниже мы будем называть логическим устройством. Событие имеет парадоксальный характер. Оно не может не иметь длительности, но его длительность не рассматривается как полноценная временная протяженность, пока нас интересует именно элементарный характер того, что мы вычленим. Значит, одно только определение места как пребывания, мгновения как интервала и моментальности как продолжительности не решает проблемы.

Это хорошо понимал Георг Зиммель. В докладе «Проблема исторического времени»¹³ он говорил: «То, что событие, значимое для нас как предельный познаваемый исторический элемент (т. е. части его не обнаруживают для нас содержательно детерминированного «прежде» и «после» и не заменяются в этом смысле переплетением с иными, чуждыми ему рядами), — что такое событие имеет временное протяжение, исторически совершенно безразлично, ибо продолжительность, которая не важна, все равно, какой она величины, практически не есть продолжительность. Такое событие есть историче-

¹² Можно было бы сказать, что событие есть *временной объект* в том смысле, в каком об этом говорил Гуссерль. См. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. В. И. Молчанова. М.: РИГ «Логос», 1994. С. 25 (§7: 30): «Под временными объектами в данном контексте мы понимаем объекты, которые не только представляют собой единства во времени, но содержат также в себе временное протяжение». Однако все следствия такого утверждения мы вынуждены выносить за скобки последующих рассуждений, поскольку идентификация коррелята наблюдения не только в качестве события, но и в качестве объекта несет на себе слишком большую нагрузку.

¹³ См. Зиммель Г. Проблема исторического времени / Пер. А. М. Руткевича // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 517-529. Далее цитируется по изданию: Simmel G. Das Problem der historischen Zeit // Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 15 / Hrsgg. v. U. Kösser, H.-M. Kruckis u. O. Rammstedt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2003. S. 287-304.

ский атом, а значение именно исторического оно обретает исключительно в силу того, что... является более поздним, чем другое, и более ранним, нежели третье»¹⁴. С этой точки зрения, моменты, вычлняемые в падении камня, не являются моментами исторической последовательности, но выступают для нас как моменты логической связи: чтобы камень упал, он сначала должен находиться вверху, потом собственно падать и, наконец, оказаться внизу. Эту логическую связь мы ниже будем называть *логическим устройством* события.

Распространим рассуждения об *историческом* времени на общую проблематику события. Зиммель предполагает, что порог измельчения – не минимальная длительность, но минимальная историческая индивидуальность событий. Объективно (не заинтересованно) замеряемая длительность не значима. Поэтому «исторический атом» «практически» не имеет продолжительности. Заменяем «исторический» на «социальный». Характеристика события как смыслового единства может быть конкретизирована, если определяющим для события считать его социальную индивидуальность, то есть сразу акцентировать не однократность появления, но специфику его содержания. Однако тем самым проблема мгновения и интервала отнюдь не будет снята. Может ли событие, не будучи индивидуальным, быть элементарным? Иначе говоря, что именно является индивидуальностью как порогом измельчения? Если специфика любого события как события состоит в его однократности, то это можно назвать количественной характеристикой индивидуальности. Однако, именно это количество, квант-событие, по соображениям логическим, могло бы члениться все дальше, если бы у события не было значимого для наблюдателя качества («что» события). В свою очередь, именно *историческая* индивидуальность события связана с его *временной* определенностью. Событие произошло *в такой-то* момент времени, и это обстоятельство может быть значимо для наблюдателя. Момент фиксируется как время данного события: *в такой-то* момент времени произошло *именно это* событие. «То же самое» событие, совершившееся в иной момент, не является «тем же самым». Оно – другое, потому что произошло «в другое время». Другое время является «другим», потому что в другое время произошли другие события.

Таким образом, необходима более строгая логика рассуждений. Она возможна только при отказе от принципа индивидуальности события как *основного* аспекта описаний. Элементарность может быть фиксирована у повторяющихся событий, а уникальность преходящего момента сама по себе не переносится на смысловые характеристики события. Напротив, в духе философии А. Н. Уайтхеда, мы могли бы утверждать, что событие составляет перспективу, в которой рассматривается течение времени. В перспективе события время оказывается *вне его*, то есть *вне* события *суть* события:

- α) одновременные
- β) предшествующие
- γ) (возможные) последующие.

Если мы рассматриваем событие в ретроспективе, последующие события частично (в той части, в какой они следуют за прошлыми событиями, но предшествуют наблюдению) теряют статус возможных. При этом «настоящее»

¹⁴ Simmel G. Op. cit. S. 297.

наблюдения, в свою очередь, есть событие, до которого простираются прошлые будущие события того события, которое совершилось в *предпрошедшем* (plusquamperfectum), причем в этом модусе оно находится в совокупности с предшествующими ему событиями¹⁵.

Разумеется, здесь Зиммель совершенно прав: такой исторический атом не имеет внутренней длительности. Она обнаруживается лишь при смене перспектив. Однако, неправильно предполагать, что смена перспектив может быть только одного рода: либо в сторону последовательного измельчения, либо в сторону последовательного укрупнения. На самом же деле вопрос стоит иначе. Если мы используем не совсем корректную, но эвристически ценную аналогию с геометрическими фигурами, то можно сказать, что наша задача состоит совсем не в том, чтобы вписывать один в другой концентрические круги все меньшего или все большего диаметра, ожидая, пока по одну сторону окружность не превратится в точку, а по другую — в бесконечную прямую. Задача состоит в том, чтобы вписать пирамиду в куб, вписанный в усеченный конус, вписанный снова в пирамиду, вписанную в шар. Причем размеры всех фигур таковы, что они заведомо «не влезают» друг в друга (хотя все вместе помещаются в большой куб, неизвестно где находящийся).

Если события являются элементами социальной жизни, то фундаментальный состав социальности образуют именно события. Если события не связа-

¹⁵ Вся проблематика, связанная, с различием А-рядов и В-рядов МакТаггарта, не имеет значения, пока за точку отсчета берется не проблематизируемое *наблюдение в настоящем*. Поскольку определения МакТаггарта широко известны, как правило, в пересказе, мы считаем уместным их процитировать: «Позиции во времени, каким оно является нам *prima facie*, различаются двумя способами. Каждая из них раньше, чем какая-то из других позиций, и позже, чем какая-то из других позиций. И каждая позиция — либо прошлое, либо настоящее, либо будущее. Позиции первого рода перманентны, второго — нет. Если *M* когда-либо раньше *N*, то это всегда так. Но событие, которое сейчас настоящее, было будущим и будет прошлым... Для краткости я буду называть ряды позиций, идущих из далекого прошлого через недавнее прошлое к настоящему, а затем из настоящего через ближайшее будущее в далекое будущее, А-рядами. Ряды позиций, идущих от более раннего к более позднему, я буду называть В-рядами» (McTaggart J. E. *The Unreality of Time // Mind. New Series. Vol. 17, No 68 (Oct. 1908). P. 458*). По отношению к каждому данному наблюдению свершившиеся события будут всегда иметь статус прошлого, а предстоящие — будущего (В-ряд МакТаггарта), и в этой связи не важно, что само наблюдение имеет характер временного события. (О наблюдении как событии во времени см.: Савельева И. М., Полетаев А. В. *История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 91*). Рассматривая акт наблюдения как событие, мы располагаем его на шкале времени, в А-ряде, где будущее становится настоящим, затем недавним и, наконец, давним прошлым. Однако, для целей данного изложения это пока безразлично, тем более, что не только предложения относительно А-рядов могут быть интерпретированы как высказывания относительно В-рядов, но и события будущего могут быть не предстоящими, но предвосхищаемыми, то есть ожидаемыми. Ожидания могут быть разочарованы, причем именно разочарование ожидания может быть интерпретировано наблюдателем как событие. Иначе говоря, в этой части важные различия темпоральной логики становятся не релевантными. Для дальнейшего изложения может быть важной критика МакТаггарта А. Прайором. Прайор утверждает, что МакТаггарт создает мнимые проблемы, пытаясь интерпретировать А-ряд как В-ряд. На самом деле, если принять, что прошлое-настоящее-будущее всегда могут быть релятивированы, то есть интерпретированы как раньше-позже относительно события наблюдения, которое, в свою очередь, тоже может быть интерпретировано применительно к абсолютной хронологии, а применительно к различению раньше-позже с точки зрения некоторого третьего наблюдения, и т. д., то нет оснований ни для недоразумений МакТаггарта, ни для критики его Прайором.

ны между собой или если событий вообще нет, это может быть интерпретировано как отсутствие социальной жизни. Связь событий есть конститутивное условие социальности. Неплотное прилегание и взаимная непроницаемость событий равным образом означают неисполнение конститутивного условия социальности. К этому нас приводит логика рассуждения. Взаимная непроницаемость событий означает, что всякое событие, релевантное для наблюдения и вычленяемое как таковое с точки зрения предельного измельчения, не может пересекаться с другим таким же событием. Поэтому либо события плотно прилегают друг к другу, либо, с некоторой точки зрения, образуются пустоты между событиями. Неплотное прилегание событий означает, что наблюдатель, фиксирующий прекращение события и начало другого события, обнаруживает между ними не заполненный промежуток, то есть интервал времени, свободный от релевантных для наблюдения социальных событий. Таким образом, традиционный социологический вопрос «Как возможно общество?» в данном случае принимает следующий вид: «Как возможна непрерывная связь и/или взаимное проникновение социальных событий?».

Наблюдаемое событие коррелятивно событию наблюдения. Событие наблюдения происходит во времени и в пространстве. Это значит, что членение на плотно пригнанные друг к другу интервалы сопряжено с позицией наблюдателя во времени и в пространстве. Наблюдатель занимает место в пространстве, и событие наблюдения следует за одним событием, предшествуя другому событию. Это значит, что другой наблюдатель событий может не только иметь иной интерес, заставляющий его по другому фиксировать «что» события, но и само событие его наблюдения может быть рассогласовано с тем событием наблюдения, из которого мы исходили. Это будет лучше всего заметно не тогда, когда мы обратим внимание на два события наблюдения, но тогда, когда их будет, по меньшей мере, три, вменяемых трем различным наблюдателям. Итак, предположим, что мы имеем дело с тремя наблюдателями. Обозначим их X , Y и Z . Наблюдатель X фиксирует событие y_1 . Наблюдатель Y фиксирует событие x_1 . Наблюдатель Z фиксирует, что событие x_1 было наблюдением события y_1 , а событие y_1 было наблюдением события x_1 . Иначе говоря, X и Y взаимно наблюдали наблюдения один другого, но только с точки зрения Z можно было установить, что они наблюдали в одно время или в разное время. На первый взгляд, это выглядит необоснованным утверждением. Действительно, наблюдатель фиксирует событие *сейчас*, в настоящем. «Мы воспринимаем события как сущие в настоящем (being present), а таковы лишь события, которые мы воспринимаем непосредственно. А все прочие события во времени, которые мы, благодаря памяти или рассуждению, считаем реальными, рассматриваются как прошлые или будущие; те, что раньше настоящего, — прошлые, те, что позже, — будущие»¹⁶. Отсюда легко сделать популярный вывод о том, что прошлого уже нет, будущего еще нет, а реально есть лишь настоящее. Но это рассуждение уведет нас к вопросу о природе времени или, по меньшей мере, природе восприятия времени. Для нас же представляет важность иной вопрос, а именно, вопрос о восприятии события как события во времени и его (восприятия) квалификации как настоящего. Смещая таким

¹⁶ McTaggart J. E. Op. cit. P. 458.

образом акценты, мы видим, что наблюдение события в настоящем может быть интерпретировано двумя способами. Либо мы акцентируем время совершения наблюдаемого события, либо — время совершения наблюдения.

В первом случае легко напрашивается утверждение, что время наблюдения и время события никак не связаны: хотя наблюдение происходит в настоящем, наблюдаемое событие могло произойти в прошлом. «К Вам письма в октябре придут, а он убит еще в июле». На это можно возразить, что событие, которого нет в настоящем, не воспринимается. Если что-то воспринимается в настоящем, то оно и есть именно в настоящем. Следовательно, сейчас наблюдается некоторое теперешнее событие, причем наблюдение в настоящем позволяет лишь судить о том, чего нет в настоящем, но не воспринимать его. Можно сказать, что воспринимаемое *сейчас* событие не тождественно прошлому, к которому оно отсылает («как звезды умершей свет доходит»). Но значит ли это, что событие, которое происходит, происходит именно в настоящем, то есть в момент наблюдения? Это сомнительно. Ведь наблюдение фиксирует состоявшееся, завершенное событие. Должны ли мы сказать, что оно предшествует наблюдению? — Но тогда его уже нет, и нечего воспринимать. — Должны ли мы сказать, что оно одновременно наблюдению? — Но тогда наблюдение начинается вместе с событием, завершается вместе с событием. Поскольку событие коррелятивно наблюдению, можно также сказать: событие начинается с наблюдением и завершается с наблюдением. Однако, этому противоречит понятие элементарности события. Идентифицировать длящееся как элементарное можно только задним числом, рефлектируя длительность наблюдения и его коррелята как нечто обособленное и неделимое. Таким образом, событие снова оказывается в прошлом, а наблюдение настоящего — парадоксальным феноменом: наблюдение настоящего невозможно, ибо настоящее ненаблюдаемо; наблюдение же прошлого возможно лишь как наблюдение настоящего.

Особый вопрос — пространственная удаленность события. Конечно, то обстоятельство, что о совершении события мы можем лишь судить, наблюдая нечто иное, находящееся «вблизи», т. е. в зоне непосредственной достижимости для органов чувств, может показаться важным. Но эта важность релятивирована развитием средств коммуникации. Свет умершей звезды идет долгие годы, но телефонный разговор собеседников, находящихся на двух разных континентах мало чем будет отличаться в смысле достижимости события от телефонного разговора собеседников, находящихся в двух разных офисах одного здания. Проблема физической дистанции, как и социальной границы здесь может быть *проявлена*¹⁷, но это не та достижимость, о которой сейчас идет речь. Социальная конструкция смысла, в том числе и смысла дистанции, играет большую роль, но мы не можем говорить о ней на данном этапе изложения.

Во втором случае наблюдение события в настоящем значит прежде всего, что в настоящем есть наблюдение как событие. Именно наблюдение, будучи всякий раз в настоящем, собственно, подтверждает реальность настоящего. На это можно возразить, что настоящее есть настоящее лишь постольку, поскольку оно отличается от прошлого и будущего. Для того, чтобы событие

¹⁷ См. об этом подробнее: Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи // Вопросы социологии. 1992. № 1.

наблюдения было идентифицировано как настоящее, оно должно уже состояться и быть отличаемо от прошлого и будущего. Однако, для такого различения нужна рефлексия: событие (в данном случае это событие наблюдения) должно уже свершиться, чтобы отличаться от прочих событий. Иначе говоря, оно парадоксально: оно должно быть в прошлом, чтобы быть в настоящем¹⁸.

Итак, мы обнаруживаем парадоксальность обоих членов корреляции: события и наблюдения. Можно, впрочем, сказать, что, поскольку наблюдение мы также считаем событием, то обнаруживается парадоксальность события, взятого в двух аспектах: наблюдения и наблюдаемого. Роль парадокса, возникающего по ходу рассуждений, можно оценивать по-разному. Во всяком случае, мы вправе предположить некоторое неблагоприятие в исходной формулировке. Обратим внимание на то, что как наблюдаемое событие, так и событие наблюдения всякий раз отсылают нас к иным событиям. Мы видим, что, будучи элементарным, событие не может мыслиться в качестве сингулярного. Иначе размышление о нем приводит к противоречивым характеристикам и парадоксам. Следовательно, для непротиворечивого мышления о событиях необходимо, по меньшей мере, включение в рассмотрение с самого начала нескольких событий, включая события наблюдения. Именно об этом мы говорили выше, утверждая, что лишь третий наблюдатель может установить одновременность (или неодновременность) событий наблюдения двух других. Разумеется, это заставляет, в свою очередь, поставить вопрос об этом третьем наблюдении и наблюдателе в той же плоскости. Очевидно, что и оно не может мыслиться в качестве сингулярного. Следовательно, первоначальное предположение о том, что мы можем обойтись только тремя наблюдателями и тремя актами наблюдения, необходимо уточнить. На самом деле либо в отношении количества наблюдателей, либо в отношении количества актов наблюдения это число должно быть умножено. Возможность умножения количества участников и количества актов наблюдения сама по себе предполагает известные ограничения. Мы не должны останавливаться на том, возможно ли для одного наблюдателя единовременно осуществлять несколько наблюдений. В любом случае множественные наблюдения являются делом нескольких наблюдателей, причем их наблюдения одновременны, а одновременность устанавливается лишь наблюдением, которое, в свою очередь, может быть фиксировано в своей одновременности с другими событиями (наблюдаемыми событиями и событиями наблюдения) только в акте наблюдения.

Таким образом, мы самой логикой рассуждения о наблюдениях событий вынуждены предполагать некоторую неопределимую множественность событий, которые отсылают одно к другому, причем не все могут быть связаны со всеми. Невозможность связи всего со всем вынуждает к избирательности: одни события связаны между собой, другие не связаны. Взаимосвязанность означает отграничение от прочих, понятие границы наводит на мысль о системе: внутреннее (система) и внешнее (окружающий мир) различаются как области связанного и несвязанного. Так и есть. Начиная с единичной операции наблюдения единичного события, мы пришли к понятию системы, кото-

¹⁸ Более сложное рассуждение должно было бы показать справедливость этой формулы и для будущих событий.

рое разрабатывал Никлас Луман¹⁹. Однако, как мы же говорили, понятие системы, которое мы находим у Лумана, не может нас устроить. Дело не только в том, что Луман больше внимания обращал на понятие системы, чем на понятие события. По Луману, социальные системы суть принципиально *непространственные* образования. Это связано с тем, что элементами системы являются именно *события*. У Лумана это «события коммуникации». События не обладают собственной длительностью, они моментальны, но они также не обладают и пространственной определенностью, точно так же, как наблюдатель, в его интерпретации, не телесен и не имеет места в пространстве. Это весьма существенно отличается от нашего определения события как пространственно-временного единства, а равным образом и от концептуализации наблюдателя как того, кто занимает место в пространстве. Соответственно, из непространственных событий-коммуникаций могут состоять лишь не имеющие места системы. А что же образуется из тех связей между событиями, которые мы обнаружили выше в нашем изложении?

Если бы речь шла только о связях наблюдений, мы могли бы удовлетвориться тем, что наблюдатель телесен и имеет место, тогда как операция наблюдения ментальна и места не имеет. Однако, события наблюдения включены нами в ряды событий, которые суть не только события-когда, но и события-где, поскольку событие мы определили как пространственно-временное единство. Для нас важна телесность наблюдателя, не только членящего происходящее на минимальные по длительности единства, но и отличающего «свое место» от мест наблюдаемых событий. Таким образом, для него его собственное наблюдение как событие наблюдения неотделимо от места наблюдения. Все события имеют пространственно-временной характер, включая событие наблюдения, поскольку это последнее рассматривается именно как событие, а не просто как логическая, ментальная и т. п. операция. Следовательно, мы весьма далеки от теории систем Лумана, хотя для нас большую ценность представляют его рассуждения о событиях коммуникации. Если, по Луману, события коммуникации смыкаются в системы, то мы рискнем предположить, что они смыкаются в конфигурации. Характер системы заранее предполагает, какие коммуникации в ней возможны. Конфигурации событий бесконечно многообразны.

Между тем, в одной из своих поздних работ Луман, который по-своему пытался справиться с проблематикой пространства, сделал важное замечание, которое позволит нам существенно продвинуться в дальнейших рассуждениях. Это замечание относится к концепции Дж. Г. Мид. Мид, говорит Луман, опирался на философию события А. Н. Уайтхеда и считал, что «реальность переживания и действия состоит лишь из последовательности событий». Иными словами, все, что появляется, тут же разрушается, прекращает существовать, момент одного существования не соединен с моментом другого существования. Но если я переживаю саморазрушение событий в потоке времени, то и другие переживают одновременно то же самое. Значит, то, как они воспринимают («переживают») нечто одновременно со мной, мне прин-

¹⁹ См., прежде всего: Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984.

ципально недоступно. Атомарные, моментальные переживания событий разными людьми недоступны друг для друга. Но благодаря тому, что люди идентифицируют *объекты*, «время связывается»: что-то разрушается, но что-то задерживается, продлевается. А поскольку мы соглашаемся, что это — один и тот же объект и для меня, и для другого, согласие относительно идентичности объекта позволяет нам обойтись без непосредственно доступа к переживаниям и впечатлениям другого. «Таким образом, согласие может быть оперативно сконструировано лишь как наблюдение, остается только спросить: чье наблюдение?»²⁰.

Сформулируем это еще раз. Имеется множество наблюдателей и наблюдений. Сами по себе наблюдения не просто элементарны (атомарны), они еще и не связаны между собой, в том числе и наблюдения одного и того же наблюдателя. Связь атомарных наблюдений возможна за счет идентификации объекта. Поскольку в число наблюдений попадают чужие наблюдения, то необходимо согласие наблюдателей относительно объекта (*тот же самый объект для разных наблюдателей*). Таким образом, речь идет о социальной (*согласие* есть социальный результат) конструкции тождества объекта *во времени* (*пробывание*).

Обратим внимание на то, что речь здесь идет о проблемах, которые мы затрагивали выше. Мы старались уйти от феноменологической постановки вопроса о синтезе единства вещи из событий восприятия и от феноменологического же понятия временного объекта, поскольку основную важность для нас представляют не вещи (объекты), их тождество или альтерация, но само событие как отчетливое смысловое пространственно-временное единство *совершения и свершения* (см. вводное определение). Проясняя понятие наблюдения, мы возвращаемся к вещам и объектам. Но это имеет значение в контексте данного изложения лишь постольку, поскольку социальная конструкция тождества вещи происходит подобно тому, как происходит социальная конструкция тождества события²¹.

Это будет хорошо видно, если рассмотреть точку зрения Мида несколько подробнее. Мид, по его собственным словам, был намерен «взять из философии природы Уайтхеда... концепцию природы как организации существующих в природе перспектив»²². Объективность перспектив связана с интерпретацией события. События совершаются в «четырёхмерном мире Минковского» в порядке, который соотносителен некоторому «согласованному множеству» («consentient set»). «Согласованное множество определяется отношением к воспринимаемому событию, или организму. Воспринимающее событие конституирует (*establishes*) постоянный характер «здесь» и «там», «теперь» и «тогда», и само по себе есть длительный образец. Образец повторяется в ходе событий. Эти повторяющиеся образцы охватываются или схватываются в единство, которое должно иметь такую временную протяженность, которая требуется организму, чтобы быть тем, что он есть, будь то период

²⁰ Luhmann N. Die Kunst der Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. S. 81.

²¹ Ниже мы еще увидим, как одна только идентификация объекта уже имплицитно стоящее за ним событие или даже череду событий прошлого.

²² Mead G. H. The Philosophy of the Present. / Edited by Arthur E. Murphy. La Salle, Ill.: Open Court, 1932. P. 163.

обращения электронов в атоме железа или красота человека»²³. И так, здесь мы опять встречаемся с постоянством, сохранением во времени некоторой вещи, хотя эта вещь и называется «воспринимающим событием» и «образцом». Мы, так сказать, не видим событийности в этом событии. Тем не менее, стоит проследовать за Мидом чуть дальше, чтобы обнаружить весьма плодотворные идеи.

Организация «воспринимающим событием» согласованного и длительного множества образцов или событий, так сказать, дифференцирует природу, конституирует ее «куски» (slabs), отделяет пространство от времени. Вот это и есть «перспектива организма», присутствующая в природе. И таких перспектив, способов организации событий соответственно длительным образцам, множество. Именно это представляет особый интерес для Миды: множество перспектив как раз составляет предмет любой социальной науки. Социальная наука имеет дело с человеческим *индивидуальным* опытом. Но для нее, продолжает Мид, важно не только то, как индивид действует «в своей собственной перспективе», но и то, как он действует в перспективе другого или других, в «общей перспективе группы». Индивид способен принять установки других, встать на их точку зрения: «В поле любой социальной науки в качестве объективных данных выступает тот опыт индивидов, в котором они перенимают установку сообщества, т. е. входят в перспективы других членов сообщества»²⁴.

Именно соотношение индивидуальной и общей перспектив имеет особую важность. В полной мере мы обнаруживаем это соотношение только в коммуникации. Коммуникация возникает во взаимодействии, в котором определенные фазы действий одного участника (Мид говорит «формы») являются стимулами для других совершить «свою часть» социальных действий. Коммуникация в полном смысле слова есть только там, где стимул («значимый символ»), который Мид называет «жестом», пробуждает в самом производящем его индивиде ту же ответную реакцию, что и в других участниках. «В процессе коммуникации индивид есть другой прежде, нежели он есть он сам. Его самость возникает в коммуникации именно постольку, поскольку он адресуется самому себе в роли другого.... Затем он может стать обобщенным другим, адресуясь себе в установке группы или сообщества. В этой ситуации он стал определенной самостью по отношению к своему социальному целому. Это — общая перспектива. Она существует в организмах всех членов сообщества... Механизм человеческого общества — это телесные самости, которые помогают или мешают друг другу в актах совместной деятельности по манипулированию физическими вещами»²⁵.

Физическая вещь, продолжает Мид, есть вещь перцептуальная (т. е. данная в восприятии). В полной мере она «присутствует в области манипуляции, где она видима и чувствуема, где обнаруживается как обещание контакта, так и исполнение обещания, потому что для удаленного стимулирования и акта, который этим стимулом инициируется, характерно, что установки на манипуляцию — я их буду называть предельными установками перцептивного акта —

²³ Mead G. H. Op. cit. P. 162.

²⁴ Ibid. P. 166.

²⁵ Ibid. P. 168, 169.

уже появились — это та готовность схватить, войти в эффективный контакт, которая в некотором смысле контролирует доступ к удаленному стимулированию»²⁶. Но человек способен заблуждаться относительно своих восприятий (например, в бреду); он может отбросить как ложные некоторые интерпретации своих восприятий (например, систему Птолемея), говорит Мид. Отказ от непосредственности восприятия и прежних интерпретаций восприятия возможен благодаря перспективе организации событий «воспринимающим событием» в «согласованном множестве», о чем и шла речь выше. А согласованное множество согласовано *сообществом*. Человеческое действие опосредовано коммуникацией и значимыми символами, оно не обязательно завершается собственно потреблением вещи, на которую направлено: в частности, потому, что действие может быть символическим, указательным, т. е. коммуникативным жестом, направленным на «перцептуальные вещи».

В социальном взаимодействии люди участвуют как разумные существа и как физические тела. Эти тела могут быть в непосредственной близости друг к другу, т. е. в «области манипуляции», или находиться на удаленной дистанции одно от другого. Что происходит при пространственном удалении? Тот, кто действует *за пределы* области манипуляции, может только предполагать, что произойдет, когда его действие как стимул достигнет другого участника. То, что произойдет с другим участником, произойдет в будущем, этого *еще нет* в момент совершения действия. Того, что произойдет с первым участником в ответ на реакцию другого участника на его действие (реакция на реакцию), тем более еще нет. То, что произошло с тем, кто совершил действие, — это уже прошлое для того, кого достиг «удаленный стимул». Но есть здесь и другая сторона: действие представляет собой стимул не только для удаленного Другого, ибо тот «первый» участник коммуникации, как мы видели, есть Другой для самого себя прежде, чем он есть самость. Его действие, направленное на Другого, инициирует его самого *как Другого* непосредственно, моментально. «Именно идентификация этих реакций с удаленными стимулами конституирует одновременность, придает внутреннее существование этим удаленным стимулам и дает самость организму. Без такого конституирования одновременности стимулы находятся на пространственно-временном удалении от организма, а их реальность — в будущем. Конституирование одновременности обращает эту будущую реальность в возможное настоящее, ибо все наше настоящее за пределами области манипуляций есть, что касается его перцептуальной реальности, только возможное.... Реальность ждет результата акта. Реальность настоящего есть возможность»²⁷.

Эти рассуждения Мида мы можем продолжить также и несколько иным образом, чем, вероятно, сделал бы сам философ. Мы видели, что событие раскрывает свой сложный характер. Оно является смысловым единством, которое выступает пределом измельчения. Но, не меняя модус внимания, мы не можем различать «прежде» и «после», без которых не профилируется само смысловое единство. Однако и в пределах самого события мы замечаем нечто сходное, что позволяет, не меняя модуса внимания и не сообщая качество события его

²⁶ Ibid. P. 170.

²⁷ Ibid. P. 172, 173.

«логически», как сказал бы Зиммель, необходимым моментам, рассматривать его как *внутренне неоднородное единство*. Внутренняя неоднородность связана, на первый взгляд, со спецификой временного совершения события. Ведь если мы согласились с тем, что оно не моментально, но занимает некий интервал времени, то, следовательно, даже признавая неделимость этого интервала, мы все равно предполагаем его асимметрию относительно «прежде» и «после». Так, в событии «написал и отправил письмо» мы можем и не вычленять два разных события. Но, подобно тому, как падающий с крыши камень сначала был на крыше, потом между крышей и почвой и лишь в конце оказался на земле, так и письмо не могло быть отправлено, не будучи написано. Это — не *временная* структура события, если только мы не членим его на более мелкие события. Это — *логика его смыслового устройства*, поскольку событие размещено в некотором временном интервале в рамках объемлющей хронологии, и, с точки зрения наблюдателя, для которого значима и эта хронология, и цельность события, оно предстает не как некое *заполнение* однородного однородным («пустого» времени хронологии «стоячим» временем события), но как некое предельное смыкание неоднородного в нерасчленимой цельности. Но как только мы переносим внимание на элементы события, само событие утрачивает характер элементности, оно становится для нас системой или процессом, образованным связью элементов. Это именно то, о чем мы говорили с самого начала, и ставить под сомнение этот аспект рассуждений значит лишить продуктивного напряжения весь аргумент. Не оказываемся ли мы тогда в тупике? Вполне возможно, что в этом направлении мы не продвинемся дальше, если ограничимся только этим ходом мысли. Его можно модифицировать лишь за счет теоретически слабого «как бы»: квази-элементы *как бы* носят некоторые характеристики события, событие *как бы* членился на квази-элементы, последовательности в рамках событий *как бы* размыты. Размыты — почему? По логике предшествующих рассуждений, они размыты из-за *недостатка внимания*. С одной стороны, оно *как бы* обращено именно к событию. С другой стороны, оно *как бы* перенесено (но лишь отчасти) на его внутреннее устройство.

Что же такое «логическое устройство» события? Проще всего было бы говорить о том, что существует что-то вроде «идеи события», которая в этой логике представлена в многообразии своих компонентов. Однако, аналитическое представление фундаментальных характеристик события как коррелята наблюдения позволяет нам уйти от этого традиционного и малопродуктивного взгляда. Подойдем к вопросу иначе. Что позволило нам характеризовать одно и то же событие как настоящее и прошлое? То обстоятельство, что оно именно таково в разных аспектах взаимодействия. В контексте взаимодействия, с разных точек зрения, в разных смыслах идентичность события конституируется по-разному, и всякий раз, будучи идентифицировано как прошлое, настоящее или будущее, оно открывает себя наблюдателю, находящемуся вне контекста взаимодействий, как многоаспектное смысловое единство. Зафиксируем этот момент и перейдем к следующему. Выше мы говорили о том, что для нас важна телесность наблюдателя, поскольку именно то, что у него «есть место», позволяет иначе конструировать наблюдение и единство событий. Наблюдатель — это не участник социального взаимодействия, он находится «вне». Он идентифицирует события во взаимодействии в пространстве и времени, причем сам

в них не участвует. Но если наблюдение и наблюдатель — это характеристики логические, а не реальные, тогда наблюдатель как «вот этот» живой человек может участвовать в свершающемся наблюдаемом и при определенных условиях все-таки быть наблюдателем. При каких условиях? Если событие в настоящем может быть идентифицировано наблюдателем как таковое лишь постольку, поскольку оно уже свершилось, то есть отошло в прошлое, то собственное участие есть для него также прошлое участие. Это именно та рефлексия свершившегося, о которой, опираясь на Бергсона и Гуссерля, в социологии говорит уже А. Шюц в «Смысловом строении социального мира»²⁸. Для рефлексии никакого иного настоящего, кроме прошлого, не существует.

Но почему в точном смысле слова прошлое, то есть прошедшее, идентифицируется как настоящее? — Прежде всего, потому, что это прошлое еще не атомарно, еще не *само по себе*. Это именно аспект того настоящего, которое еще не вполне рефлексивируется участвующим наблюдателем именно в силу вовлеченности последнего в живой процесс взаимодействия (то есть рефлексивируется лишь постольку, поскольку его моменты отходят в прошлое). Это прошлое того настоящего, которое всякий раз вычленено из потока и идентифицировано как таковое при следующем акте рефлексивного внимания. Поэтому для наблюдателя-участника такое прошлое-настоящее не является в полном смысле прошлым. Оно есть преддверие настоящего, то, что придает ему смысл и определенность. Чтобы стать полноценным прошлым для участвующего наблюдателя, событие должно утратить эту живую связь с его участием. У него должна быть та несомненность, какой не бывает у недосказанного предложения, незавершенного жеста, продолжающегося действия. У полноценного прошлого есть несомненность того, что состоялось и что связано с проживаемым настоящим (если вообще связано с ним) только в целом, будучи как бы отделено от него барьером смысловой завершенности. Оперируя различиями и проясняя содержание актов рефлексивного внимания, наблюдатель использует или подразумевает использование определений «сначала» и «затем». «Сначала я принял душ, а затем принялся за работу» — это значит, что работа, быть может, еще продолжается, но душ уже принят, краны завернуты, полотенце сушится. То же самое относится к описаниям взаимодействий: «После семинара мы отправились на выставку» — подразумевается, что уж семинар-то во всяком случае уже завершен, причем завершен точно до похода на выставку. Напротив, «мы продолжаем заседание» означает, что настоящее отличается непосредственной вовлеченностью наблюдателя, и ситуация, схваченная в акте рефлексивного внимания, хотя и может быть

²⁸ См. также суждение Шюца в более позднем сочинении: «Смысл... это не качество, присущее определенному опыту, возникающему в нашем потоке сознания, а результат интерпретации прошлого опыта, увиденного из настоящего сейчас при рефлексивной установке. До тех пор, пока я живу внутри своих действий, направленных на объекты этих действий, действия не имеют никакого смысла. Они становятся осмысленными, когда я схватываю их как четко отграниченный опыт прошлого, а это значит — в ретроспекции. Только тот опыт, который можно вспомнить вне зависимости от его наличия в настоящем и который можно изучить на предмет его строения, является, поэтому, субъективно осмысленным. (Шюц А. О множественности реальностей / Пер. А. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 2. № 2. С. 5: <http://www.sociologica.net/08tra1.pdf>).

представлена в череде последовательных эпизодов, как таковая еще не завершена, не стала в собственном смысле прошлым, как бы далеко ни отстоял от актуального наблюдения тот или иной ее эпизод.

Мы помним, однако, что представление одного и того же события как настоящего, прошлого и будущего было связано с множественностью наблюдений и наблюдателей-участников ситуации. Мы зафиксировали, что их должно быть не менее трех: помимо хотя бы двух взаимодействующих участников, для каждого из которых настоящее переживание действия другого указывает на прошлое совершение этого действия, а свое собственное действие rozpoзнается как прошлое через реакцию другого или предвосхищается по смыслу в его будущей реакции, так что синхронизация их взаимодействия предполагает, что есть еще один — наблюдатель. Исследуя этот вопрос более подробно, мы пришли к пониманию изначальной множественности событий и наблюдений. Сейчас мы приходим к тому же результату с другой стороны. Ведь (1) если наблюдатель отвлекается от взаимодействия и рефлектирует свое участие в продолжающемся взаимодействии, то в нем, очевидно, больше, чем один участник; (2) если мы говорим о непосредственной вовлеченности, прекращении вовлеченности и о том, что, как мы сейчас увидим, отстоит от наблюдателя чуть дальше, чем едва прекратившаяся вовлеченность во взаимодействие, то это наводит на мысль о разнокачественных временных характеристиках того, что обычно считается настоящим. Но эти простые соображения могут стать более продуктивными, если рассмотреть в этой связи два вопроса.

Первый вопрос — это вопрос об источнике и характере различий, которыми пользуется наблюдатель. Наблюдатель, говорим мы, поскольку он именно наблюдатель, а не участник, перестает быть вовлеченным в течение взаимодействий. Он не просто обращает внимание на свершившееся, но и отличает его от всего последующего хода переживаний и действий. Но ни эти различия не являются результатом его собственных измышлений, ни применение этих различий не является делом одного только произвола. Конечно, можно было бы сказать, что эти ограничения произвола присутствуют в реальной жизни и не имеют отношения к логической природе наблюдения. Но это заблуждение — и как раз потому, что именно исследование логических характеристик события привело нас к утверждению о множестве не только участников, но и наблюдателей. Можно сказать, что различия имеют хождения среди участников взаимодействия, причем их применение носит как теоретический, так и практический характер, поскольку явное или неявное единодушие относительно завершения некоего эпизода является важным аспектом продолжения или прекращения взаимодействий. Практика социального оперирования с синхронизацией, с определением и членением прошлого, настоящего и будущего — это тема весьма благодарная, но разработка ее опасна соскальзыванием к очень тривиальным, хотя и нуждающимся время от времени в дополнительной вербализации ходам мысли.

Второй вопрос намного сложнее. В этой части нашего рассуждения мы говорим о прекращении вовлеченности, о завершении эпизода²⁹. Слова «собы-

²⁹ Понятие эпизода вводится и далее используется без каких-либо обоснований, поскольку оно берется только как технический термин, на нем не выстраиваются в данном контексте ника-

тие» мы старались избегать. Ведь событие имеет не только завершение, но, как мы видели, и начало! Собственно, именно проблема дистанции между началом и завершением события разрешается при исследовании его логического устройства. Но стоит нам обратиться к началу события, как весь аргумент от вовлеченности наблюдателя теряет свою силу. Прежде всего, если наблюдатель уже не вовлечен постольку, поскольку фиксирует завершение события, то тем менее он вовлечен, фиксируя начало! Следовательно, между началом и завершением события, с точки зрения вовлеченности наблюдателя, нет никакой разницы. Если же мы скажем, что между ними вообще нет никакой временной разницы, поскольку событие фиксируется именно как событие, а не как поддающийся дальнейшим членениям эпизод, то это не только не помешает, но, напротив, заставит нас снова отойти от идеи простой единой длительности и трактовать начало и конец единого события как характеристики его логического устройства. Если же мы будем утверждать, что у события нет никакого начала и конца, ни в смысле единой длительности, ни в смысле логического устройства, то это не поможет нам на следующем этапе рассуждений. Ведь не только *вслед* за завершившимся событием что-то произошло (например, длилось взаимодействие, в которое мог быть вовлечен наблюдатель), но ему также и *предшествовало* что-то, что также могло быть, но могло и не быть событием. Если нечто, предшествующее событию, было событием, то оно, разумеется, было прежде того события, о котором мы говорили как о ближайшем к (прекращению) вовлеченности наблюдателя. Это предшествующее событие завершилось, прежде чем состоялось следующее событие. Иначе говоря, если ближайшее событие трактуется как прошлое в силу его завершенности, ибо только прошлое обладает этим качеством завершенности, то предшествующее ему событие является *безусловно* прошлым. Но зафиксировать это безусловное прошлое можно только в том случае, если у нас есть ясность с завершением данного события, а равно и началом того ближайшего прошлого, которое может представать как настоящее.

Это позволяет нам сделать следующий шаг. То, что мы зафиксировали в предыдущем рассуждении, — это логическое устройство последовательности событий. Можем ли мы точно так же аргументировать применительно к логическому устройству самого события? Все говорит в пользу этого утверждения. Ведь мы теперь утверждаем не то, что отдельные аспекты события при определенном повороте внимания сами могут рассматриваться как события. Это, конечно, так, но это было ясно уже Зиммелю, и мы отказались основываться на характеристиках внимания как основном идентификаторе события. Вопрос теперь состоит в том, можем ли мы говорить о начале и завершении события, не отказываясь от его атомарности, не ставя даже вопрос о желательном или допустимом «пороге измельчения» и не превращая аспекты события в некие подобытия событий. Ответ: да, можем. Логическое устройство события и логическое устройство последовательности событий суть одно и то же. Иначе говоря, мы не аспекты события «возводим» в ранг квази-события, но отдельные события в последовательности событий «низводим» до значения все тех же

кие аргументы. Но это — только в данном контексте. При более подробном исследовании темы понятие события и понятие эпизода должны быть поставлены в категориальную связь.

«аспектов последовательности». Но здесь нужны существенные уточнения. Логическое устройство события не является его онтологическим качеством. Оно коррелятивно наблюдению, причем не индивидуальному, но социально-практическому использованию различий, которое, однако, не может не быть до известной степени изоморфно самому устройству мира, поскольку он является постижимым для нас миром.

Здесь нам поможет соединение двух теоретических ресурсов: исследований о природе прошлого Дж. Г. Мида и аналитики высказываний о прошлых событиях А. Данто. К сожалению, нам не была доступна работа Мида, специально посвященная этой теме. Мы опираемся на одну сравнительно уже давнюю статью американских социологов, выделивших несколько важных аспектов его концепции³⁰. Мы выделим только один из них. Мид утверждал, что события настоящего не только символизируют прошлое и не только обусловлены событиями прошлого. Прошлое выступает как «подразумеваемое объективное прошлое». «Время от времени Мид говорит о том, «что, видимо, было» (*what must have been*). Так, например, он заявляет: «Прошлое есть то, что, видимо, было, прежде чем оно есть настоящее в опыте как прошлое»... Он говорит не о том значении, какое прошлое имеет для настоящего. Скорее, он говорит о существовании предшествующих событий, предлагая ситуационную онтологию, которая относится к согласию относительно фактов прошлого. Какое-то событие должно было состояться, чтобы существовать в настоящем опыте как прошлое событие»³¹. Действительно, настоящее тройным образом свидетельствует о прошлом: (1) как следствие или результат — о причине или условии; (2) как означающее — об означаемом (социальная конструкция означающего есть лишь случай такого означивания); (3) как член логической конструкции, в которой другим членом является предполагаемое прошлое — *what must have been*. Случай (1) — это недвусмысленное каузальное отношение. Причина предшествует следствию, условия имеют место прежде, нежели наступает только в этих условиях возможный результат. Если бы предполагалось, что некие обстоятельства не предшествуют во времени другим, а сосуществуют с ними, это отношение, справедливо говорит Луман, не могло бы считаться каузальным. Но что значит «причина» или «условие» были в прошлом? Если их больше нет, то есть они состоялись, но миновали, можно ли сказать, что это не случай (1), но случай (3)? — Все зависит от характера отношения. А. Данто показывает это на примере трех выражений. Если мы говорим «есть отец», то это, строго говоря, значит, что «мужчина должен приблизительно за девять месяцев до рождения ребенка оплодотворить мать этого ребенка... Когда мы правильно называем кого-то отцом в первичном смысле, то это логически предполагает ссылку на более раннее событие, которое каузально связано, согласно известным принципам, с настоящим»³². Когда мы говорим «есть шрам», то этот предикат «однозначно ссылается на время». Можно быть отцом в социологическом смысле и не быть в биологическом, равно как

³⁰ Maines D. R., Sugrue N. M., Katovich M. A. The Sociological Import of G. H. Mead's Theory of the Past // *American Sociological Review*, 1983. Vol. 48, No. 2.

³¹ *Ibid.* P. 164. Цитата: Mead G. H. The nature of the past (см. сноску 36), p. 238.

³² Данто А. С. Аналитическая философия истории / Пер. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной / Под ред. Л. Б. Макевой. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 75-76.

и наоборот. Но шрам всегда причинен ранением; если нечто только «похоже на шрам», то ни в каком смысле шрамом оно не является³³. Наконец, выражение «есть пушка, поставленная здесь Франциском I после битвы при Керизоле в 1544 г.»³⁴ правильно только в том случае, если имело место именно это событие: не кто-то просто поставил здесь пушку, она не была, скажем, брошена, но именно водружена, именно тогда-то и т. д.

С несомненными каузальными отношениями при правильной постановке вопроса нет особых проблем. Но кроме этой каузальной связи (менее определенно или более определенно выраженной, как в примерах, соответственно, с отцом и с пушкой у Данто), есть каузальная связь, подразумеваемая самым общим образом, но логически не менее важная. «Есть шрам» значит «было нанесено ранение». Настоящее логически необходимым образом указывает на прошлое. Это прошлое, логически необходимым образом предполагаемое суждениями о настоящем. Благодаря логической необходимости определяется пространство возможностей *what must have been*: это возможности совершения события ранения, оставляющего шрам. Не какого-то определенного события в определенном месте, определенное время, «разумною рукой» или «слепыми силами природы», но именно в самом общем смысле: если есть шрам, было событие ранения.

Так, логическое устройство различения, выраженное в идентификации объекта «шрам», предполагает социальное согласие относительно того, что может называться шрамом и какие события или, при определенном повороте внимания, какие аспекты единого события должны предполагаться, если это выражение имеет смысл для множества наблюдателей. Однако это социальное согласие не затрагивает того обстоятельства, что некие объекты в настоящем *не могут не свидетельствовать о событиях прошлого*, а принятые квалификации этих объектов, будь то шрам или отцовство, не могут не предполагать определенный характер этих событий, хотя их точное обозначение может быть предметом разногласий. Вопросы «когда могла быть нанесена рана, после которой остался шрам?», «кто именно был отцом ребенка?» и т. п. суть те самые вопросы, которые ориентируют нас на поиск строгой каузальной связи. Но сам характер этих вопросов столь отчетливо социален, что любые дополнительные соображения о произвольно или непроизвольно сконцентрированном внимании наблюдателя приобретают не более чем побочный интерес.

Вовлеченность наблюдателя может сопровождаться квалификациями объектов без экспликации логического устройства этих квалификаций. Прекращение вовлеченности может сопровождаться экспликацией логического устройства предполагающих событие квалификаций объектов, то есть либо вниманием к одному плохо очерченному, хотя и явно завершённому событию («когда-то была нанесена рана, и остался видимый теперь шрам»), либо вниманием к последовательности событий («в начале прошлого месяца была нанесена рана, перевязки продолжались три недели, последнюю повязку сняли неделю назад, но до сих пор виден шрам»). Переключение с логического устройства события (то есть, как мы видели, квалификации объекта, который

³³ См.: Там же. С. 76.

³⁴ Там же. С. 75.

имплицитно событие как *what must have been*) на последовательность событий может происходить, разумеется, и благодаря произвольному переключению внимания. Однако, повторим еще раз, это не представляет здесь никакого интереса. Совсем иное дело, когда такое переключение происходит в сообществе наблюдателей (которые, как мы видели, суть те же участники взаимодействия, поскольку они расстаются со своей вовлеченностью в ход дел и рефлексивуют, со стороны событийной, логическое устройство релевантных объектов). Ведь событие, перед которым также было событие, т. е. событие, относительно которого есть уверенность не только по поводу его завершения, но и по поводу его начала, иначе говоря, полноценное, атомарное событие является для данного сообщества наблюдателей *событием абсолютным*.

Теперь мы видим, что абсолютное событие может быть двух родов и конституируется двояким образом: (1) в силу квалификации объекта, имплицитно событие (поскольку иначе эти квалификации теряют смысл в данном коммуникативном сообществе); (2) в силу экспликации абсолютного события первого рода как события, предшествующего некоторому событию, если и только если оба эти события плотно прилегают друг к другу в пределах одного событийного ряда и общей хронологии. Абсолютные события первого рода, как мы уже говорили, — это события рождения и смерти, сакральные и учредительные события. События второго рода — это события, которые так включены в цепочку событий, что их несомненность столько же обусловлена консистентностью всей цепочки, сколько эта последняя обусловлена ею, на чем и основана большая часть интриги любого детектива.

Допустим, что в некий момент времени t_{i1} наблюдатель I_1 фиксирует событие a_1 . Как мы уже показали, это событие (за исключением несколько иначе устроенных абсолютных событий первого рода, то есть событий рождения и смерти, сакральных и учредительных событий) предполагает: (1) внутреннюю дифференцированность на последовательные этапы, сообразно своему логическому устройству, (2) включенность в ряд однородных ему событий, зафиксированных посредством тех же различий, и (3) своеобразную уникальность, связанную с тем, что именно в данный момент времени оно было зафиксировано данным наблюдателем. То же самое можно сказать о моменте времени t_{i2} , когда наблюдатель I_2 фиксирует событие a_2 . Если эти наблюдатели суть участники элементарного (диадического) взаимодействия и если наблюдаемые ими события суть события действия другого участника, то, как мы видели, t_{i2} может быть равно t_{i1} , то есть a_2 может происходить одновременно с a_1 . Эта одновременность не дана как таковая ни одному из участников, она является результатом социальной синхронизации, которая, опять-таки в предельном случае диадического взаимодействия вменяется третьему наблюдателю³⁵. То, что идентифицируется одним из них как настоящее, и то, что идентифицируется другим как прошлое, идентифицируется третьим как одновременное. Это одновременное имеет логическое устройство. Логическое устройство предполагает, что у события есть начало и завершение и что нача-

³⁵ Возможность стать на эту позицию есть у любого участника, но это предполагает, что взаимодействие прошло уже два этапа: этап действий и наблюдений обоих участников и этап рефлексии по поводу обоих действий со стороны хотя бы одного из них.

лу нечто предшествовало. Предшествующее было пред-событием, его не могло не быть, оно есть *what must have been*, в зависимости от характера используемых различий, это начальный этап события или пред-событие. Поскольку синхронизация носит социальный характер, она принимается обоими участниками³⁶, но тогда и логическое устройство данного события, и то, что было пред-событием по отношению к фиксированным как одновременные событиям (или одно событие, хотя и увиденное с разных сторон), должны быть согласованным образом идентифицированы. Точно так же и наоборот: фиксированная одновременность позволяет обоим участникам увидеть подлинную (с социально согласованной точки зрения) последовательность событий. Тогда действие a_2 , которое зафиксировано наблюдателем I_2 , следует за действием a_1 , которое зафиксировано наблюдателем I_1 , и момент времени t_{i2} следует за моментом t_{i1} . Но поскольку эти моменты времени идентифицированы как таковые только в системе отсчета «наблюдатель — момент — событие», социальное согласование лишает их специфичности, уникальности, означающей, что событием момент времени выделен как особый, единственный. Логическое устройство события a_2 таково, что ему должно было предшествовать нечто вроде события a_1 , и *такого рода* событие действительно наблюдалось, хотя могло наблюдаться иное событие того же рода (как, например, мы не знаем, что подтолкнуло камень к падению, но должен был быть импульс, толчок или потеря опоры).

Тематизация пред-события, события перед событием, делает исходное в ряду наблюдений событие абсолютным событием второго рода, т.е. абсолютным в данной цепочке событий и при данном использовании различий: оно кончилось, когда прекратилась вовлеченность действующего, оно началось, когда кончилось пред-событие. Оно уже состоялось, но всеми принято, что оно есть настоящее, когда бы ни зафиксировал его каждый из наблюдателей *на самом деле*. И так же принято, что у него есть пред-событие, которое принадлежит к роду того, что могло случиться. Оно фиксировано как случившееся. Оно есть то, к чему отсылает настоящее. Без него непонятно логическое устройство последующего (исходного для нас) события. Вместе с тем, если на нем замыкается цепочка событий, это делает неудовлетворительным и вычленение того события, которое только что, казалось бы, обрело статус абсолютного, несомненного в социальном смысле события-в-настоящем. Ибо пред-событие тоже должно иметь логическое устройство. В противном случае оно не однородно ближайшему к нам событию и не может, по сути дела, его ограничивать. Пред-событию предшествует пред-пред-событие. И так далее. Эта цепочка доходит до последнего релевантного в прошлом события или до абсолютного события первого рода, до которого не было ничего, ему однородного.

Итак, мы говорим о следующих характеристиках события:

Несмотря на элементарность и атомарность, оно имеет логическое устройство. Оно всегда в связи с другим событием, в сети событий. Оно может

³⁶ Для этого существуют многообразные социальные устройства, будь то решение судьи с секундомером, предложение «сверить часы» или транслируемые на всю страну «сигналы точного времени».

быть абсолютным. Оно происходит в поле возможных событий (в перспективе некоего исходного события). Оно наблюдается и различается на основе социальных согласований. Оно происходит в пространстве и времени: в некотором месте в некоторое время. Оно, однако, не вещь и вещью быть не может. Социальное составлено из пространственно-временных невещественных событий.

Это незначительный результат. Но он достаточно надежен. Достаточно — чтобы строить на нем теорию дальше.